

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1985

Сборник статей

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Сборник посвящен актуальным проблемам истории социалистических и утопическо-коммунистических идей в Западной Европе и Америке в XVI—XIX вв. Особое внимание обращено на изучение теоретической разработки Энгельсом вопросов, связанных с указанной проблематикой. Ряд статей посвящен истории утопического социализма XIX в. (распространению идей Сен-Симона в России, утопии Т. Сквидмора, социалистическим идеям в чартизме). В сборнике содержатся материалы по историографии утопического социализма, имеется раздел публикаций.

Редакционная коллегия:

Л. С. ЧИКОЛИНИ (ответственный редактор),
В. М. ВОЛОДАРСКИЙ (ответственный секретарь),
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, В. А. МАЛИНИН, Т. А. ПАВЛОВА,
Н. Б. ТЕР-АКОПЯН, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Галкин	Идеи социализма в чартистском движении (конец 40-х — начало 50-х годов XIX в.)	3
А. Э. Штекли	Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу» и вопрос о начале утопического социализма	29
Г. С. Кучеренко	Некоторые сведения об отношении к Сен-Симону и сенсимонистам в России (XIX — начало XX в.)	45
М. Н. Соколова	Сюдр — историк утопического социализма	67
К. Э. Кирова	Итальянские умеренные и французский утопический социализм и коммунизм (30—40-е годы XIX в.)	81
К. М. Андерсон	Томас Сквидмор: отголоски просвещения или ростки американской утопии?	107
В. В. Карева	«Утопия» Томаса Мора в издании М. де Керлона	138
Т. А. Павлова	Идеал человека в произведениях Джерарда Уинстэнли	145
И. Н. Осинковский	«Утопия» Томаса Мора в Англии XVII в.	163
Л. С. Чиколини	«Рассказ о собственных книгах» Кампанеллы	190
В. М. Володарский	Социальная утопия Теофраста Парцельса	211
ПУБЛИКАЦИИ		
Е. М. Кожокин	Из истории утопического социализма во Франции в 30—40-е годы XIX в. Вступ. ст., публ. и пер. с фр.	234
В. Д. Балакин	Из социальной утопии Иоганна Валентина Андреэ Вступ. ст., публ., пер. с латин. и коммент. Комментарии	249 267

«Рассказ о собственных книгах» Кампанеллы

Из всех автобиографических сочинений Кампанеллы особое внимание историков издавна привлекал «Рассказ (Syntagma) о собственных книгах и правильном порядке учения»¹. Еще до выхода в свет оно вызвало толки и оживленную переписку, инициатором которой стал Калабриец. Этот эпизод его жизни достаточно известен: еще Л. Амабиле² опубликовал часть писем, о своеобразных отношениях Ноде и Кампанеллы оставил заметку В. Спампанато³, а затем Фирпо⁴. Мы уже имели случай касаться этой темы⁵. Тем не менее в данном очерке стоит хотя бы очень коротко напомнить о событиях, связанных с публикацией труда, избранного предметом нашего рассмотрения.

Спустя три года после смерти Кампанеллы французский библиограф Габриель Ноде⁶ осуществил наконец долго ожидавшееся издание сочинения Калабрийца о книгах и науках. Записанное в римской тюрьме со слов узника, оно десять лет хранилось у Ноде вместе с другими рукописями Кампанеллы, взятыми Ноде для опубликования. Опальный философ с большой надеждой ждал тогда их выхода в свет: вот-вот мир узнает о его многострадальной жизни и ученых трудах, которые так методично изничтожались инквизицией. Дружеские отношения, завязавшиеся между ним и французским эрудитом, не были тайной. В то время многие знали о намерении Ноде выпустить подробную биографию итальянского мыслителя⁷.

Но, как известно, новый друг не спешил с выполнением данных обещаний. В то же время он выступил с сочинениями, перекликавшимися с «Рассказом» Кампанеллы по названию и содержанию⁸. Сходство со своими работами узник нашел и в других сочинениях

Ноде. Французский ученый посвятил брошюру извержению Везувия в 1631 г.⁹ На ту же тему Кампанелла раньше вручил Ноде составленную им речь.

О постигшем его разочаровании философ сообщал во Францию своему покровителю К. Ф. Перейску: «Синьор Ноде... взял у меня в камере все оригиналы работ (opuscoli), говоря, что хочет их обнародовать, но не сделал этого и мне помешал». Узник инквизиции жаловался, что в печати не появляются ни его жизнеописание, ни сочинение о книгах, в котором он высказал суждение «о всех писателях и всех видах наук». Далее следовало прямое обвинение Ноде в плагиате: «Он использовал их (сочинения Кампанеллы.— Д. Ч.) в своих работах». Не столь возмущителен сам факт заимствования, замечал Калабриец, сколь «способ, каким это было совершено». Он, Кампанелла, не делает секрета из своих трудов; напротив, охотно дает их каждому. Однако ему претит, когда книг домогаются не в целях науки, а ради личной выгоды. «Не хочу трудиться для того,— заключил он,— чтобы другие присваивали себе славу»¹⁰.

Перейск отреагировал живо; его письмо к Ноде вызвало странное оправдание последнего¹¹. Любопытны признание Ноде, что он действительно просил у Кампанеллы отдать ему ненужные черновики и наброски произведений «вместо того, чтобы рвать их и выбрасывать», а также замечание, что вместе с двумя «интересными трактатами» — узник просил их опубликовать, когда Ноде вернется в «свободную страну» (т. е. во Францию), — Кампанелла отдал ему тексты некоторых писем и работ, которые печатать не намеревался, «хотя они были завершены». Задержку с публикацией рукописи Калабрийца Ноде объяснял вмешательством цензуры, о чем получил известие от Жака Гафареля. «Издание трудов Кампанеллы,— писал Ноде,— мешал сам Кампанелла». Французский эрудит решительно отрицал, что использовал их в своих работах, а относительно «Рассказа о собственных книгах» замечал, что это сочинение осталось незаконченным, оно было записано наскоро и никогда не перечитывалось ни им, ни Кампанеллой. Обратившись к нему позднее, он, Ноде, «целиком его переписал», внес соответствующие изменения, «не пытаясь, однако, улучшить форму сочинения»¹². О несовершенстве стиля этой книги Ноде упоминал и при ее издании (1642) в посвятельном письме Д. Р. Марескоту, советнику Людовика XIII. В начале 30-х годов Марескот жил в Риме и благосклонно относился к Ноде и Кампанелле. Ноде просил аббата не судить о книге по ее «неотшлифованному, как полагалось бы по Цицерону, слогу», а также оказать покровительство ему, Ноде¹³.

⁹ Naude G. Discours sur les divers incendies du Mont Vesuve, et particulièrement sur le dernier, que commenc le 16 decembr 1631. S. l., 1632.

¹⁰ Campanella T. Lettere Bari. 1927. p. 324—325.

¹¹ Опубликованы Л. Амабиле. См.: Castelli, vol. 2, p. 262—265.

¹² Ibid., p. 267.

¹³ De libris propriis.

¹ Campanella T. Syntagma de libris propriis et recta ratione studendi. Parisiis. 1642.

² Amabile L. Fra Tommaso Campanella ne'castelli di Napoli, di Roma ed in Parigi. Napoli, 1887, vol. 2, p. 265. (Далее: Castelli).

³ Spampinato V. Nota.— In: Campanella T. Syntagma de libris propriis et recta ratione studendi. Firenze etc., [1927], p. 111 segg. (Далее: De libris propriis).

⁴ Firpo L. Introduzione.— In: Campanella T. Monarchia Messiae... Torino, 1973, p. 7.

⁵ Чиколлини Л. С. Кампанелла в публикациях XVII в.— В кн.: История социалистических учений. М., 1984.

⁶ О Ноде см.: Там же.

⁷ Allatio L. Apes urbanae, sive De Viris illustribus que ab anno MDCXXX per totum MDCXXXII Romae adfuerunt ac typus aliquid evulgarunt. Roma, 1632. p. 242.

⁸ Naude G. Syntagma de studio liberale. Urbino, 1632; 2 ed.— Rimini, 1633. О Ноде см.: Rice J. V. Gabriel Naude — 1600—1653. L., 1939.

Насколько справедливы обвинения, выдвинутые Кампанеллой, и в какой мере правдивы объяснения Ноде, судить весьма трудно. Первоначальный текст, продиктованный Калабрийцем, как видно, навсегда утрачен, а изменения, внесенные в него, по наблюдениям ряда исследователей, все-таки значительны. Неудивительно, что Амабиле считал «Рассказ» ненадежным источником для восстановления биографии итальянского утописта, а В. Спампанато выносил еще более суровый приговор: Ноде с неохотой, явно под давлением Перейска, опубликовал сочинение Кампанеллы, озабоченный лишь одним стремлением — восстановить свою подпорченную репутацию. Но прежде он заменил там целые куски, дабы не столь заметен был его плагиат¹⁴. О манипуляциях Ноде над текстом сочинения писал и Фирпо¹⁵. Так или иначе, но мы должны считаться с фактом: перед нами труд, содержание которого не во всем идентично сказанному Кампанеллой.

Однако сейчас пойдет речь не о биографии знаменитого итальянского мыслителя. Сочинение Кампанеллы привлекает наше внимание с несколько другой стороны. Безотносительно к тому, какие коррективы были внесены в «Рассказ о собственных книгах», он вызывает огромный интерес. Это один из памятников общественной мысли первой половины XVII в., в котором ясно прослеживается гуманистическая традиция, отнюдь не перечеркнутая «помощником» и издателем Кампанеллы, а также ряд новых тенденций, характерных для европейской (и итальянской в том числе) культуры позднего Возрождения. Кроме того, в нем слышны мотивы, свойственные культуре последующего исторического периода.

Хорошо известно, сколько споров вызвал и вызывает вопрос о типологии и периодизации культуры Возрождения, о кризисе и конце гуманизма в европейских странах¹⁶. Что касается Италии, то для исхода этого широкого общественного движения исследователи намечают самые различные вехи: первое десятилетие XVI в., его середину, 60-е годы¹⁷, последнюю четверть Чинквеченто¹⁸, начало Сеиченто. Часть историков полагает, что определенные течения гуманизма и ренессансной культуры не пресекались там и в первой половине XVII в.¹⁹ Так, вопрос о хронологических рамках и содержании позднего гуманизма, несмотря на ряд последних работ в этом направлении, все еще остается дискуссионным.

Продолжаются споры и об историческом значении ренессансной культуры. За рубежом, да порой и в нашей стране подвергают сомнению ее прогрессивную суть и, обращаясь к известной концепции Де Санктиса (считавшего Возрождение явлением реакционным),

подчеркивают ее негативные стороны²⁰. Суждения Кампанеллы и его окружения о книгах и науках наряду с подобными высказываниями других авторов XVII в. оказываются весьма ценными, ибо ничто так ярко не свидетельствует о степени цивилизации, как уровень просвещения и распространения знаний. Они позволяют расширить наши представления о развитии общественной мысли в тот переходный от феодализма к капитализму период, о ее направлениях, сочетании гуманистических традиций с некоторыми новыми веяниями — тягой к опытному познанию мира, к систематизации и философскому обобщению огромного материала, накопленного гуманистами в течение трех столетий. «Рассказ» в какой-то мере проливает свет и на личность самого Кампанеллы, жившего на грани двух веков и двух эпох — Возрождения и начала нового времени. Это наложило соответствующий отпечаток на его творчество, известное своей противоречивостью и дуализмом.

Сочинение Кампанеллы, состоящее из четырех разделов, тематически условно можно поделить на две части. Первая (первый раздел) носит автобиографический характер. Рассказчик повествует о годах своего учения, постижении наук, диспутах, о книгах, написанных в ранней юности, молодости, зрелом возрасте и на склоне лет. В целом это печальная повесть о неустанном поиске истины и справедливости, преодолении на этом пути бесчисленных преград, «потере» написанных книг — их уничтожали безжалостные враги, похищали «неверные друзья» — и настойчивом, упрямом восстановлении вновь и вновь утраченных работ.

Конечно, ни автор, ни его издатель не излагали событий с полной откровенностью, но многое читается между строк. Не будем, однако, следовать за Кампанеллой в его скитаниях по Италии — по тем местам, где он штудировал науки. Отметим лишь некоторые важные для нас моменты в первой части книги. Прежде всего мы не находим в ней ни слова о заговоре в Калабрии; этот пропуск, по-видимому, нельзя приписывать Ноде; Кампанелла в стремлении обрести свободу сам, как известно, упорно затушевывал это событие. О причинах заключения его в тюрьму сказано весьма туманно: после 1598 г. «начались преследования, которые давно уже имели место по отношению к другим». «Я был переведен в Неаполь и обвинен в оскорблении Его Величества», — писал он. Далее в общих чертах говорится о тяжелой жизни в неволе, лишениях, отсутствии книг и запрещении работать. Кампанелла был вынужден «писать тайком, когда представлялся удобный случай»²¹.

Но, несмотря на умалчивание подлинных причин несчастий, обрушившихся на Калабрийца, истинное его лицо социального реформатора, принимавшего близко к сердцу беду народа, порой все же проступает. Среди множества книг, написанных автором, упомянут сборник стихов, «часть которого опубликовал Товий Адами». «Я сложил элегии о собственных страданиях и несчастьях моих

¹⁴ Spampinato V. Op. cit., p. 112—113.

¹⁵ Firpo L. Op. cit., p. 7.

¹⁶ См.: Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978.

¹⁷ Горфункель А. Х. Основные этапы развития итальянской философии в эпоху Возрождения. — Там же, с. 52—60.

¹⁸ Брагина Л. М. Итальянский гуманизм: Этапы развития. — Там же, с. 26—33.

¹⁹ Штекли А. Э. Возрождение и утопический коммунизм XVI — начала XVII в.: К постановке вопроса. — Там же, с. 84—106.

²⁰ См.: Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.

²¹ De libris propriis, p. 23.

друзей... — печально рассказывал узник, — стихами я поддерживал друзей, дабы они не пали духом в заточении»²². И тут же горько вопрошал, намекая на великое свое призвание: «Отчего люди, безмерно одаренные мудростью и добродетелью, благодетели рода человеческого в великие моменты истории подвергались мученической смерти под предлогом оскорбления величества, божественного или человеческого, а впоследствии воскресали в блеске своей славы?»²³. Калабриец упоминал и свой труд, предначинанный испанскому монарху, об увеличении доходов от Неаполитанского королевства на сумму «свыше миллиона без ущерба для королевства и короля, но с пользой и для того, и для другого, и для народа», добавлял он. Советы, как разумно править Южной Италией, сведены здесь к четырём пожеланиям: установить «умеренные цены» на хлеб; уменьшить налоги; уничтожить ростовщичество; обратить внимание на возделывание земли²⁴, иначе говоря, позаботиться об улучшении благосостояния народа. Подобные требования не раз выдвигались во время многочисленных на Юге страны восстаний, которые впились в цепь народного протеста против феодального гнета и испанских поработителей. Одним из звеньев этой цепи был и неудавшийся заговор Кампанеллы в Калабрии.

Наше внимание привлекает также отрывок о «Городе Солнца». Автор считал его проектом государственного устройства «значительно лучшим», нежели республика Платона или «какие-либо другие» идеальные государства²⁵. Попутно отметим одну фразу, представляющую интерес для тех, кто изучает историю создания «Города Солнца» (если, разумеется, эта фраза действительно была произнесена Кампанеллой, а не добавлена Ноде). Рассказчик сообщал: в 1620 г. Адами опубликовал «Город Солнца», «если не ошибаюсь, на латинском языке, хотя первоначально он был написан по-итальянски»²⁶. Что означает оговорка: «если не ошибаюсь» и неправильная дата выхода «Города Солнца»? Не то ли, что к моменту встречи с Ноде Кампанелла еще не видел своей работы в издании Адамы и не мог с уверенностью сказать, на каком языке она вышла в свет? Тогда напрашивается вопрос, не отдавал ли Кампанелла в свое время Адамы не один, а два варианта произведения — на итальянском и на латинском языке, и не знал, какой из них выбран для публикации? Или Кампанелла вручил всего один текст, но не помнил, на каком языке? Правда, поверить в это трудно, зная, какой колоссальной памятью он обладал и как был заинтересован в обнаружении своего труда. Либо, наконец, Адамы получил

лишь итальянский текст²⁷. К сожалению, эта единственная отрывочная фраза в «Рассказе», которой, разумеется, недостаточно для решения важной проблемы.

Главное — читатель выносит из первой части «Рассказа о собственных книгах» — и это очень важно в связи с поставленной темой — яркое впечатление о многогранности интересов Кампанеллы и энциклопедичности его познаний, базировавшихся на природной пытливости и талантах, а также на основательном образовании, полученном благодаря титаническим усилиям, настойчивости, огромной воле, стремлению проверить все самому, не полагаясь на авторитеты — черта, столь свойственная людям эпохи Возрождения. Не удовлетворившись знаниями, полученными в монастыре, молодой философ «решил сам пересмотреть все книги Платона, Плиния, Галена, стоиков, сторонников Демокрита и особенно телезианцев»²⁸. Он изучал пифагорейцев, Сенеку и Цицерона, античных скептиков, перипатетиков и софистов, множество других авторов, в том числе натурфилософов XVI—XVII вв. Калабриец испытал, как видно по его рассказу, самые различные идейные влияния — от раннего христианства и учений отцов церкви до мусульманства, иудаизма и Каббалы. Все это было свойственно его веку, вело к определенному синкретизму и эклектизму, но одновременно способствовало расширению умственного кругозора.

* * *

Эрудированность Кампанеллы, его неразрывная связь с культурой позднего Возрождения особенно ярко проявились во второй части сочинения, к которой по содержанию можно отнести следующие три раздела книги. Здесь изложены суждения о науках, методе познания мира (раздел 2), советы, как писать ученые труды, даны классификация наук (раздел 3) и характеристика творчества ряда авторов по самым различным отраслям знаний (раздел 4).

Написанное на латыни, сочинение в целом и особенно его последние разделы — типичный образец эрудитских произведений XVII в., оно является своего рода сводкой существовавших в ту пору наук, которые Кампанелла делил на «теоретические» и «изобретающие»²⁹, иначе говоря, умозрительные и экспериментальные. В «Рассказе о собственных книгах» проявилось характерное для эпохи стремление к систематизации, переосмыслению полученного от древности и первых этапов Ренессанса наследия, пересмотру устаревших концепций о роли наук и знания.

²² Ibid., p. 23—24.

²³ Ibid., p. 39—40.

²⁴ Ibid., p. 32.

²⁵ Ibid., p. 24. Примечательно, что таким же образом оценивал «Город Солнца» его издатель Т. Адамы. См.: *Adami T. Lectori candido et philosopho recte sapere...* In: *Campanella T. Realis philosophiae partes quattuor nunc primum editae. Francofurti, 1623, f. C₃ — D.*

²⁶ Ibid.

²⁷ Подобные предположения высказывались еще в XIX в. (ср., например: *Лавров П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8-ми т. М., 1934, т. 2, с. 238*). Так считает и А. Э. Штекли. По его мнению, Кампанелла не является переводчиком «Города Солнца» на латинский язык, а следовательно, погрешности в латинском варианте сочинения надо отнести за счет кого-то другого. См.: *Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука. М., 1978, с. 130—140.*

²⁸ *De libris propriis*, p. 12—13.

²⁹ Ibid., p. 65—67.

Просветительский характер произведения бросается в глаза. Науку, знание Калабриец считает великим благом, необходимым человеку само по себе, «а не потому, что приносит выгоду, славу или удовольствие»³⁰. Этим тезисом и открывается второй раздел книги, посвященный «наилучшему способу философствования», т. е. процессу познания мира.

Подлинный ученый для Кампанеллы — человек, беспредельно преданный истине. Вечный разум наделил его «проницательным умом», «цепкой памятью», направленной к освоению «сокровищницы наук», «действенной волей, упорствующей в любви к истине», неослабным трудолюбием, побуждающим к постоянным занятиям и непрерывному учению, и, наконец, терпимостью к мнениям других мудрецов, общение с которыми непременно. Но мудрецов, «не обыденных и преданных удовольствиям, а готовых постичь истину, где бы она ни блестела», без зависти и неприязни к другим ученым и без упрямого убеждения в своей собственной правоте — только это может открыть простор для непринужденной дискуссии³¹. Без таких качеств Кампанелла не мыслил истинного ученого, просветителя и новатора, способного на великие открытия, полезные для человечества. «Я называю мудрецом того, кто может изобрести что-нибудь ценное и чему-либо научить», — замечал он³². Здесь провозглашались, таким образом, принципы рационализма и свободного научного поиска, защищавшиеся еще гуманистами XIV—XVI вв.

В основе взглядов автора лежат натурфилософские представления, желание познать законы бытия посредством опыта, прочтения «живой книги», начертанной в природе высшей Мудростью, в сочетании с изучением достижений прошлого, запечатленных в письменных памятниках. Если в философских трудах Калабриец делал упор на чувственное восприятие мира, то в «Рассказе», также отмечая его значение, главное внимание он обращал на книги, их отбор ради «правильного порядка учения» (*recta ratione studenti*). Ясное понимание важности освоения опыта человечества через книги описать так роднит Кампанеллу с гуманистами XV—XVI вв. Калабриец во многом обнаруживает сходство с воззрениями своих предшественников. Мы находим, в частности, немало общего между «Рассказом» и сочинением Челио Секондо Курционе «Школа», где дана характеристика наук и книг, которые надлежит знать идеальному Грамматику, личности высокообразованной и разносторонней³³. Рекомендуемая для изучения литература у Курционе и Кампанеллы нередко совпадает, а главное — оба пытаются решить родственную задачу: способствовать более разумному усвоению

наук самого широкого профиля, оба, в сущности, ставят просветительские цели.

Однако Кампанелла представляет новый этап развития общественной мысли — для Мора, Эразма, Курционе главной была забота о человеке, его воспитании, просвещении, с чем они связывали совершенство общественных отношений. Кампанеллу тоже интересует человек, живущий в справедливо и мудро устроенном государстве, но он ставит вопрос шире — думает о создании для этого не только социальных условий, но и предпосылок, связанных с расцветом знаний и науки. Он хотел бы использовать последние в интересах общества и человека. Эта мысль с достаточной четкостью проведена в «Городе Солнца»; она же отчетливо выражена в «Рассказе о собственных книгах». Кампанелла зовет к постоянному, терпеливому, неустанному поиску истины. Его образованность в значительной мере тоже зиждется на восприятии трудов классиков. Но «*studia humanitatis*» не столь увлекает Кампанеллу. Для него она не имеет той притягательной силы, какой обладала для гуманистов XIV—XV вв. Калабриец влечет общий прогресс наук, от всей души он приветствует великие открытия своей эпохи в области естествознания.

Если для Курционе первой наукой в согласии с положениями ранних гуманистов оставалась грамматика, то Кампанелла не придавал ей первостепенного значения. Не выдвигал он на передний план и риторiku, несмотря на то что сам от природы был одарен красноречием и выдающейся способностью воздействовать на слушателей, а также вопреки тому вниманию, какое сам уделил риторике и грамматике, посвятив им особые разделы трактата «Рациональная философия»³⁴. Кампанелла — убежденный противник пустого красноречия, он развивал довольно любопытную теорию о его возникновении, связывая с формой политического устройства. «Никогда при республиканском правлении не процветают прикрасы речи, — полагал он, — только в том случае, если оно клонится к упадку; при тирании же формируется язык красивый и изящный. Он создается теми, кто, не имея никаких собственных мыслей, крадет чужие, прикрывая их красотами и различными риторическими узорами, дабы собственным казалось то, что на самом деле заимствовано».

Столь же нелепым считал он излишнее увлечение грамматикой. «Некоторые современные писатели, живущие по ту сторону гор, подобны малым детям... рассуждал он, — ведь они все время тратят на грамматiku и риторiku, а когда пишут, стремятся вернуть слово греческое или древнееврейское, чтобы создать видимость, будто они учителя языков и высшей мудрости». В действительности в их писаниях «нет ничего нового, ничего возвышенного, ничего сложного, если только они не извлекают материал из чужих книг,

³⁰ Ibid., p. 43.

³¹ Ibid.

³² Ibid., p. 80.

³³ *Curione C. S. Schola*. Basilea, 1555. О Курционе подробнее см.: *Kutter M. Celio Secundo Curione, sein Leben und sein Werk (1503—1569)*. Basel; Stuttgart, 1955; *Чиголини Л. С.* Социальная утопия в Италии, XVI — начало XVII в. М., 1980, с. 107—108 и др.

³⁴ *Campanella T. Philosophiae rationalis pars prima*. (Grammaticalium libris tres); *Rationalis philosophiae pars tertia...* (Rhetoricorum liber unus iuxta propria dogmata). — *Tutte le opere/A cura di Luigi Firpo*. Milano, 1954, vol. 1, p. 434—906.

всячески его приукрашивая». Полициано, Валла, Бембо, Трапезунд, Лэт и др.— «все находятся в этом разряде»,— расправлялся Кампанелла с известными стилистами³⁵.

Наукой, с которой следует начинать всякое познание, Кампанелла считал историю. Ей он также посвятил особую книгу трактата «Рациональная философия»³⁶. Несмотря на суровый приговор грамматикам и риторам, Калабриец все же не порывал полностью с заветами гуманистов XIV—XVI вв. А их отношение к истории достаточно известно. Следуя за Аристотелем и Цицероном, они постоянно подчеркивали важность этой области знания как «зеркала человеческих деяний», «наставницы людей», «*magistra vitae*»³⁷. Понятно, почему многие гуманисты были выдающимися историками своей эпохи, среди них Леонардо Бруни, Флавио Бьондо, раскритикованный Кампанеллой Помпоний Лэт и многие другие. Первым историком нового времени считают Макьявелли, за ним шел Гвиччардини и целая плеяда их последователей Чинквеченто. В XVI—начале XVII в. были предприняты попытки теоретически обосновать важность написания исторических трудов для гражданской жизни и политики, чему посвятили специальные трактаты Спероне Сперони, Уберто Фольетта, Франческо Патрици, Антонио Виперани и др. Хвалу этому искусству воздавали Сципионе Аммирато, Джованни Ботеро³⁸.

Среди них был и Кампанелла, вносивший, однако, нечто свое в понимание роли исторической науки. Ее значение не только в том, что она дает материал для поучений. Для Кампанеллы история — первый шаг в правильном понимании мира. Это первая часть философии. «Когда ты захочешь исследовать суть какого-либо дела,— наставлял узник «ученейшего Ноде»,— необходимо, чтобы тебе была известна его история, и не с одной стороны, а всесторонне». «Если пожелаешь философствовать о вещах небесных, уразумей сначала историю сделанных уже наблюдений... Для этого необходимы истории Плиния, Гигила и Арата»³⁹. Желаяющий изучить теологию, по Кампанелле, должен начать с чтения Ветхого и Нового заветов, а затем обратиться к трудам Писифа Флавия, Филона и других

³⁵ De libris propriis, p. 81—82

³⁶ Campanella T. Rationalis philosophiae pars quinta videlicet.— Tutte le opere, p. 1222—1238.

³⁷ Пьер Паоло Верджерио, к примеру, видел большую пользу от занятий историей для всех, поскольку в ней черпают примеры того, «чему надо следовать в жизни и чего избегать», и совершенно необходимо ее знание стоящим у кормила правления Флавио Бьондо полагал, что история столь же благотворно действует на духовное состояние людей, как на их тело — земледельческий труд. А Бартоломео Сакки Платина писал, что именно история содержит осознание людских дел, и, изучая не одно из них, но все великое, что совершено во всех веках, мы будем иметь наставницей нашей жизни саму древность. См.: *Platina B. S. Liber de vita Christi ac pontificum omnium. Venetia, 1479.*— In: *Rerum Italicarum Scriptores. vol. 3, pt. 1, p. 193.*

³⁸ Подробнее см.: *De Mattei R. Il pensiero politico italiano nell'età della Controriforma Milano; Napoli, 1982, p. 84—98.*

³⁹ De libris propriis, p. 45—46.

древних авторов. Кто захочет знать физиологию⁴⁰, должен изучить естественную историю, познакомиться с ее достижениями, «почерпнув сведения о минералах, растениях, животных, об элементах и прималитетах у Плиния, Агриколы, Альдобранда, Императо, Диоскорида, Теофраста» и т. п. «Философские школы,— замечал Калабриец,— обессиливают в спорах, так и не знают истории вещей». А именно на этой науке зиждутся знания. Потому незнакомые с историей «переходят от дел к пустословию»⁴¹.

Итак, для Кампанеллы история не просто источник поучительных примеров, благостно воздействующих на умы и души, или предмет, толкающий к раздумьям политиков, как это бывало у большинства его предшественников. Занятие ею, по Кампанелле, необходимое, разумное начало всякого научного поиска. Успешное продвижение по пути познания истины в его представлении не должно превращаться в повторение уже известного. Каждый ученый ради более эффективного исследования обязан знать, что сделали его предтечи. Так, воспевание исторической науки превращалось в гимн всему научному прогрессу. По Кампанелле, изучающий историю призван исследовать прошлое общества (*historia humana, historia civilis*) и ход развития естественных наук (*historia naturale*). В условиях своего времени он, конечно, не мог не выделить в особый раздел также историю «божественную» (*historia divina*). Толкуя ее на свой лад, он уделял ей все же меньше места⁴².

Историку Калабриец предъявляет новые, более высокие требования. Им нельзя назвать того, кто повторяет чужие мнения, слепо верит написанному или, напротив, сразу отвергает изложенное в книгах. Историк — исследователь, он вдумчиво изучает факты, кроме книг, обращается к другим источникам — свидетельствам очевидцев, собственным наблюдениям, сопоставлениям с жизнью. Больше надо доверять свидетельствам, чем мнениям, рассуждает философ, «больше верить Колумбу, чем Лактанцию и Прокопию»⁴³. Но и свидетельства очевидцев могут оказаться неточными.

Всякий человек способен говорить неправду («человек лжив»), то ли по невежеству, то ли по злобе, то ли из страха. Отсюда вывод — сопоставлять сведения и тщательно взвешивать выводы: «Читай книги всех людей и тотчас не отклоняй того, что не соответствует твоему пониманию». Человечество признало немало истин, которые прежде отвергались (например, что на экваторе есть жизнь). «Если какое-либо предположение тебе покажется невероятным, например что Солнце стоит в центре, а Земля вращается, не заключаешь тотчас, что это невозможно, и не высказывай вслух несогласия, сдержи себя, пока, изучив разумные доводы, ты не достигнешь наконец истины»⁴⁴.

⁴⁰ Под физиологией Кампанелла понимал физику, т. е. естествознание.

⁴¹ De libris propriis, p. 46.

⁴² Campanella T. Philosophiae rationalis, p. 1238 e seg.

⁴³ De libris propriis, p. 48.

⁴⁴ Ibid., p. 47—48.

Иное кажется невероятным, но в действительности существует. И напротив, «много выдумывают глупцы, а людей мудрых почитают то за дьяволов, то за ангелов». А как обстоит дело в действительности, в этом надо увериться самому⁴⁵.

Таким образом, Кампанелла требовал вдумчивого, критического отношения к историческим данным, проверки их разумом и опытом. И здесь он шел по стопам своих предшественников. Сопоставление исторических источников, расширение их круга начались задолго до XVII в., в известной мере оно было свойственно Пико делла Мирандола, Флавио Бьондо, Валле, Беату Ренану и многим другим. Но лишь в XVII в. оно стало вполне осознанным требованием передовых мыслителей.

Провозгласив принцип проверки сведений жизнью, в историческом исследовании Кампанелла все же полагался больше на книги как главный источник знания прошлого: «Историю вещей, о которых надлежит философствовать, мы берем из книг»⁴⁶.

Кампанелла предлагал свой «правильный» порядок исторических чтений. Начинать следует с естественной истории, дабы понять устройство Земли и Неба. Лучше всего это сделать, ознакомившись с космографией «практической, а не умозрительной»⁴⁷, т. е. с историей конкретных достижений в познании природы, в том числе открытий натурфилософов XVI—XVII вв. Некоторых из них Калабриец не раз упоминал в своем рассказе. Это Коперник, Тихо Браге, Кардано, Патрици, Телезий. Имен Бруно и Галилея в «Рассказе» мы не встретим, возможно, вследствие вмешательства осторожного Ноде.

Историю античных «небожителей» и древнего населения земного шара рекомендуется изучать по книгам Плиния. Священной истории отведено следующее место по порядку. Кроме Библии, полезно знакомство с агиографической литературой, а также с книгами опять-таки Иосифа Флавия, «Анналами» Цезаря Барония, рассказами Бзовия и некоторых других. Примечателен совет тщательно изучать решения и порядок проведения народных собраний⁴⁸. Здесь, видимо, сказался интерес автора «Города Солнца» к образцам государственного устройства и политических учреждений.

Обширен список по гражданской истории. Наряду с мифическими и полумифическими именами тут названы в первую очередь труды Ливия, Саллюстия, Светония, Тацита, снова Иосифа Флавия. Обращает на себя внимание совет внимательно отнестись к изучению древнегреческой и древнеримской мифологии, в которой можно почерпнуть немало поучительного. В исторических чтениях, предложенных Кампанеллой, как и у Курионе, преобладают древние авторы, хотя набор их книг беднее, чем в библиотеке Грамматика. Несмотря на это, кругозор самого Кампанеллы значительно шире,

а его познания далеко выходят за рамки античной истории и греко-латинской образованности.

В программе Кампанеллы предусмотрено некоторое знакомство с историей средневековой: переселением народов, образованием государств, способами управления. Для этого рекомендуются сочинения Пинеда, Сабеллико, неаполитанского историка XVI в. Тарканьоты⁴⁹. Кампанелла — сторонник более широкого и обстоятельного исторического знания. В поле зрения ученого должно находиться не только прошлое Италии, но также «частные истории» других стран — Галлии, Испании, Греции, а также Африки (Эфиопия) и Азии (Персия, Япония, Китай)⁵⁰. Таким образом, перед нами один из набросков плана по всеобщей истории, предложенный задолго до французских просветителей, и в частности Вольтера (в заслугу которому, как известно, кроме всего прочего, ставится интерес к истории восточных народов). Кампанелла понимает трудность подобного изучения. «Нет человека, — рассуждает он, — который бы мог рассказать от сотворения мира до наших дней о происхождении всех наций того и другого полушарий, о генеалогии, деяниях, о странах света... о перенаселениях, о происходящем на небе, земле и море»⁵¹. Чувствуя в себе гигантские силы, сам он готов бы взяться за такой труд, но вершители его судьбы «не в состоянии создать благоприятные условия и не заботятся о божественном творении»⁵².

Таким образом, в «Рассказе о собственных книгах» выражена прямая неудовлетворенность трудами по всемирной истории, которые во множестве издавались средневековыми летописцами и историками Возрождения. Итальянский философ отстаивал при этом мысли поистине ценные. Он не считал правильным ограничиваться лишь изложением фактов политической истории, что было столь характерно для гуманистической историографии. Содержание всемирной истории он представлял себе значительно шире и звал к познанию всех сторон жизни и той среды, в которой обитает и действует человек: его быта, пищи и одежды. Надо изучать судоходство, историю путешествий и открытия новых земель, «историю моральную, политическую, экономическую и гражданскую», обычай племен и народов, изменения их образа жизни, различные формы управления, ремесла, способ возделывания полей, пищу и одежду. «В противном случае о них (народах. — Л. Ч.) не будет верного представления, ибо общее составляется из частных, что и является началом знания»⁵³. Кампанелла одним из первых понял необходимость всестороннего изучения жизни общества, культуры, быта, экономики. В европейской историографии такая постановка вопроса встречается лишь в XVIII в.

⁴⁵ Ibid., p. 48.

⁴⁶ Ibid., p. 51.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid., p. 52.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid., p. 91.

⁵² Ibid., p. 91—92.

⁵³ Ibid., p. 45—46.

И еще одна интересная черта. Если, к примеру, Курионе, согласно давней традиции географию и космографию неразрывно связывал с геометрией (известно, что в средние века геометрия в широком обучении нередко превращалась в довольно фантастическое описание стран и народов), то Кампанелла, хотя при классификации оставлял эти науки в разряде математических, ставил, их, однако, на службу истории, полагая, что достоверность исторического исследования может быть достигнута лишь посредством совместных усилий ряда наук. К истории он присоединил также генеалогию семейств и хронологию. Любопытна заметка о несовершенстве и разноречии в летоисчислении разных народов и трудности вследствие этого познания их прошлого⁵⁴.

Положения, защищаемые в «Рассказе о собственных книгах», представляют несомненный интерес, особенно если учесть, что исторические воззрения Кампанеллы изучены все еще недостаточно. Было бы, в частности, желательно сопоставление приведенных отрывков с упомянутой выше пятой книгой «Рациональной философии», посвященной историографии. Но это требует особого места. Конечно, в «Рассказе» многое лишь провозглашено и не подкреплено конкретным исследованием. И тем не менее высказанные Калабрийцем суждения — свидетельство значительного шага вперед, который был сделан мыслителями Сеиченто не только в области историографии, но и в развитии философии истории.

Высокая оценка исторической науки не означала, однако, что Кампанелла ставил ее во главу угла. Основополагающим для него оставалось «философствование», познание законов бытия, в котором история находилась в самом начале пути. Следующая, более высокая степень познания возлагалась на другие науки, и главной тут была философия.

Мы знаем об упорном стремлении передовых людей эпохи Ренессанса секуляризировать знания, освободить философию от власти теологии, сделать независимой наукой о природе и человеке. Всю жизнь по-своему над этим бился и Кампанелла, посвятив этой науке целый ряд трактатов. Отголоски подобных воззрений встречаются и в «Рассказе о собственных книгах», где характеристике философской литературы уделено немало внимания.

Однако в соответствии с установившейся практикой, а может быть по воле Ноде, раньше предложен перечень книг теологических. У Курионе — представителя радикального крыла Реформации — такой список занял одно из последних мест. У Кампанеллы он достаточно обширен и насчитывает около 40 имен. Это главным образом отцы церкви, несколько средневековых теологов и еще меньше представителей клира его эпохи. Из отцов церкви упомянуты Климент Римский, Дионисий Ареопагит, Игнатий, Поликарп, Папий, Климент Александрийский, Тертуллиан, Виктор, Лактанций, Ориген, Афанасий, Василий, Григорий, Хризостом, Дидим, Амвросий, Иероним, Августин, Сульпиций и др. Из средневековых теоло-

гов — Исидор, Григорий Великий, Ансельм, Дамаскин, Петр Ломбардский, Альберт Великий, Дунс Скот, Дуранд, Вильгельм Оккам и др.⁵⁵ Перечень имен сопровождается весьма кратким комментарием. Заметим, что преобладание имен отцов церкви вполне соотносится с другими работами Кампанеллы. Эти авторы, что весьма примечательно, нередко были авторитетами и для иных мыслителей, настроенных оппозиционно по отношению к католической церкви, а также представителей народной реформации; и неудивительно: в их трудах нередко звучали мотивы равенства и социальной справедливости, свойственные раннему христианству, которое так идеализировали противники средневековых порядков и католицизма.

Куда интересней список литературы по философии. Кампанелла устанавливает строгий порядок изучения этого предмета. Первым следует постичь теорию Аристотеля, «лучшего из греков» (эпитет, возможно добавленный Ноде, если учесть известную неприязнь Кампанеллы к перипатетикам), читать его книги предпочтительнее с комментариями к ним, греческими, арабскими и латинскими. Затем можно приступить к изучению трудов Телезия и Патрици вместе с их антагонистами, «дабы из противопоставления яснее воспринималась истина их учения». Третье место отведено Платону, его ученикам и последователям — Плотину, Хальцидону, Ямвлиху, Проклу. После них надлежит обратиться к стоикам, к Цицерону, Сенеке, Эпиктету, затем к пифагорейцам (хотя «от них остались лишь фрагменты»). Наследие Эпикура (его, подчеркивает автор, тщательно собрал Гассенди) и Лукреция (его философию пытался восстановить Бассон) надо изучать после стоиков. В этике всех превзошел Сенека, но для ее познания полезны труды Аристотеля, Платона и Телезия.

К философским отнесены книги по вопросам экономическим и политическим. Об экономике лучше других писали Аристотель, Ксенофонт и Плутарх, о политике — Платон, Плутарх и Аристотель (хотя тут последний многое заимствовал у Платона). Юриспруденции (она тоже в главе о философии) Кампанелла уделял минимум внимания. Он рекомендовал изучать законы древних — Моисея, Пифагора, Нумы, Миноса, Селевка, Солона, Магомета и др. Мысли о правосудии выливались у него в сентенции, весьма близкие по духу к суждениям других политических писателей той эпохи. «Законы должны быть писаны ясным стилем на языке родном, понятном всем». Калабриец — сторонник кратких законов. Число их растет, если законодатель всего не предусмотрел, и в жизни возникают новые казусы: отсюда — надобность в толковании законов, и как результат — комментаторы превращаются в законодателей. Чтобы избежать подобного, «законы, когда их много, должны быть сведены в компендиум». Так думал еще Цезарь, но только Юстиниан с искусством осуществил данную идею.

Было бы желательно, продолжал Калабриец, чтобы и в христианском государстве... из всех кодексов, декретов, декреталий,

⁵⁴ Ibid, p. 93.

⁵⁵ Ibid., p. 53—54.

кlemenций и экстравагантный был бы составлен один всеобъемлющий корпус». Все знают, что множество законов неудобно и губительно для судей, подданных и государства, по очень на руку законникам-крючкотворам (они преследуют свою выгоду, защищая все, что им угодно), а также правителям-тиранам удобно с их помощью выманить деньги у подданных. «Воплощенная же мудрость божья направляет законы к любви к богу и ближнему своему; и если кто оставит это в небрежении, законы не будут иметь никакой силы», — провозглашал Кампанелла тезис⁵⁶, не раз выдвигавшийся в эпоху Реформации и Контрреформации сторонниками обновления мира и радикальных перемен в обществе. На память невольно приходит резкая критика действовавшего законодательства и судопроизводства, звучавшая в итальянской публицистике XVI—XVII вв. (в сочинениях Дони, Альбергати, Агостини, Цукколо и множества других)⁵⁷. Кампанелла распространял свое пожелание и на порядки католической церкви («это относится и к церковным ритуалам», говорил он, ратуя, как видно, за упрощение религиозного культа и церемониала).

Показательно отношение Калабрийца к медицине как «практической философии», познающей человека. В ее усвоении помогут труды Гиппократов и Галена, затем Цельса, Авиценны, Расиса и некоторых других, а также Парацельса, достигшего особенных успехов в «дистилляториях» и «химической медицине»⁵⁸.

Изучение философии и смежных с ней наук Кампанелла мыслил не только по книгам. Он снова зовет людей к познанию реальной жизни. «Поскольку в ремесленных мастерских больше истинной и реальной философии, чем в школах философов, нужно обстоятельно советоваться с живописцами, красильщиками, кузнецами, золотых дел мастерами, ювелирами, земледельцами, воинами, бомбардирами, ткачами, фармацевтами (дистилляторами) и другими подобного рода»⁵⁹.

Специальная глава посвящена описанию книг математических, прежде других тут названы сочинения Евклида, Архимеда, затем Птолемея, Альфрагана, а также Коперника, Тихо Браге, Виттелиа. Альбазена. К математике отнесены науки, «описывающие землю», — география, а также морское и военное искусство.

В астрономических науках из древних сильнее других был Птолемей, из «новых более глубоких» Коперник, «более подробный» Тихо Браге. Но к изучению их трудов можно приступить лишь познакоившись с «историческими наблюдениями» небес древними халдеями, египтянами, греками и арабами. «И не хватит жизни человека, а потребуются вечность на познание наук такого рода», — восклицал рассказчик⁶⁰.

⁵⁶ Ibid., p. 102.

⁵⁷ См. подробнее: Чиколлини Л. С. Социальная утопия в Италии.

⁵⁸ De libris propriis, p. 57, 100.

⁵⁹ Ibid., p. 55—56.

⁶⁰ Ibid., p. 59—60.

По астрологии, которой Кампанелла, как известно, был увлечен, считая ее важной естественной наукой о связях космоса и человека, он называл труды Птолемея и арабских звездочетов.

Программа «разумного» постижения наук завершалась примечательным советом: «Никакой книгой не пренебрегай, среди словесного вздора часто скрываются весьма ценные сведения...». И далее: «Всякое познание считай безграничным, никогда не думай, что ты достиг предела, и не переставай учиться. Природой предусмотрено, что всякий возраст совершенствует свои познания»⁶¹. Этот совет явно расходился с предписаниями Тридентского собора и Индексами запрещенных книг, но находил отклик в сердцах персодовых мыслителей эпохи. Известно, к примеру, что и младший современник Кампанеллы Ян Амос Коменский считал книгу «первейшим инструментом образования», книги для него «дороже золота и серебра», это «дар божий человеческому уму». Великий педагог учил беречь и почитать их и полагал, что «нет ни одной столь плохой книги, которая не содержала бы хоть что-нибудь полезное»⁶². Правило не пренебрегать никакими творениями человеческой мысли, читать не только то, что предписано монастырским уставом, но и запрещенную церковью литературу, Кампанелла, как известно, осуществил и в жизни, за что не раз привлекался к инквизиционному суду. Годы тяжелого заключения не изменили его убеждений на этот счет.

Но читать всякие книги вовсе не означало для Калабрийца слепо следовать им. Он учил обдумывать, критически осмысливать их содержание и сомневаться. Сомнение, скепсис как метод исследования — характерная черта эпохи Возрождения⁶³. Не доверяя даже самым высоким авторитетам, гуманисты хотели все проверить сами. Яркий пример тому — творчество Леона Батисты Альберти, Микеланджело, Леонардо да Винчи — ученого, инженера, естествоиспытателя. Не случайно и Томас Мор наделял утопийцев необычной способностью к сомнению. Скепсис давал толчок к научному поиску, пересмотру застарелых представлений.

Кампанелла не отступал от принципов своих предшественников и делал новый шаг вперед. «Метафизик, — рассуждал он, — который изучает философию при помощи совокупности знаний, ничему не отдаст предпочтения, а все разузнает в сомнениях. И он не будет утверждать, что он существует, как бы ему самому это ни было ясно, и не скажет, что он жив или мертв, но станет в этом сомневаться. И о том, о чем говорит, не будет говорить без осмотрительности, и не подумает, что слова обозначают то, что обозначают, но примется исследовать, должен ли человек называться человеком, небо — небом, бог — богом, субстанция — субстанцией. Он даже

⁶¹ Ibid., p. 60.

⁶² Comenius J. A. De primario ingenia colendi instrumento, sollerter versando, libris. Pr., 1970, p. 11.

⁶³ Одна из первых работ на эту тему в России принадлежала Е. В. Тарле. См.: Тарле Е. В. Начало скептического движения. — Русская мысль, 1897, янв.: Он же. Итальянский скептицизм в эпоху Возрождения. — Начало, 1899, янв., февр., апр.

возьмется исследовать способ познания, каким образом это происходит в человеческой душе... как определяют вкус, запахи — ведь они для нас не одни и те же. И так будет судить о прочих предметах и даже о способности к ощущению других существ... о первенствующем и первоначальном бытии»⁶⁴.

Так провозглашалась широкая программа исследования, методом которого объявлялось сомнение. И если для первых гуманистов, ставших на этот путь, сомнение было еще в значительной мере интуитивным, недостаточно ясным влечением, то в «Рассказе о собственных книгах» оно выдвинуто как вполне осознанный принцип.

Критика Кампанеллы затрагивает не только схоластику, с которой он постоянно сражался, но также античное наследие и современную ему науку. Калабриец не испытывал благоговейного трепета перед авторитетами, и перед античными в том числе, хотя отлично знал их и в большой мере духовно вырос на их трудах. И тут у него в XVI в. было множество предшественников, начиная с Аретино, Ландо, Джелли и др., предпочитавших писать по-итальянски и высказывавших критические замечания по адресу древних мыслителей. Кампанелла видел сильные и слабые их стороны, полагал, что и они не избежали ошибок. Такое отношение к авторитетам с особой ясностью проявилось в четвертом разделе «Рассказа о собственных книгах», где дана развернутая характеристика уже не наук, а авторов ученых сочинений.

Первым здесь значится Аристотель, в него Кампанелла метнул немало стрел. «В «Физике» и «Метафизике» Аристотель краток, как подобает философу», но в местах трудных и неясных «краток более, чем следует... избегает вопросов очень трудных, как будто они не имеют никакого значения», а в ряде случаев «говорит больше, чем нужно». В «Топиках» он многословен, «растягивает речь из-за мелких, если не сказать бесполезных, вопросов», «излишне снисходителен к себе», «как бы презирает всех», пренебрегает советами других мудрецов, хотя многое заимствует у них, часто впадает в противоречия. В «Логике» испытывает «великие затруднения», говорит «много такого, что уже объяснено»⁶⁵, и т. д. Здесь явно ощущается давняя его вражда к аристотелизму.

Более лестная характеристика дана Платону (хотя он и не выдвинут, возможно по воле Ноде, на первый план) — «поистине признанному мудрецу и весьма осведомленному». Обращено внимание на удачную форму его сочинений — диалог. Платон меньше впадал в противоречия и не всю мудрость приписывал себе, а вспоминал учителя. Физиологию в «Тимее» он выразил значительно яснее и последовательнее, чем Аристотель, а в остальных диалогах «создается впечатление, что он просто беседует, а не передает знания». Кампанелле по душе, что Платон многое основывал на собственных наблюдениях. Но и его учением он полностью не удовлетворен: великий философ остановился на полпути⁶⁶.

Выдающимся мыслителем Кампанелла считал Плиния. Он пишет красивым, изящным слогом для тех, кто изучает творения человека и природу, приумножая знания. Он «ничего не скрывает», «благородный, трудолюбивый, обстоятельный, краткий... полезный». А вот Сенека менее основателем, «не сообщает ничего нового», но «удивительно пишет о морали». Цицерон пространен, весьма элегантен, но скорее волнует слух, нежели сердце, «сам по себе ничего нового и возвышенного не открыл», а то, о чем рассуждает, можно найти у платоников и стоиков. Плутарх написал полезные работы по истории, этике, физике и метафизике, он интересен и как биограф, однако грекам отдает предпочтение «более, чем позволяет разум». Сильней его Ксенофонт, он остроумен и краток, хотя подражает Платону, но делает это изящно и «философски»⁶⁷.

Античным философам противопоставляются современные: «Один только Телезий пишет, сохраняя поистине философский стиль, и делает человека мудрым, а не болтуном»⁶⁸. Высока оценка Кардано: он умело разрешает многие философские вопросы, опираясь на этику, медицину и «почти все виды знания», это «человек добросовестный», «ничем не пренебрегает», «ничего не оставляет нетронутым», но в его трудах, как у Апулея, немало басен⁶⁹.

Зато древние историки получали более высокую оценку, чем современные. Ливий учен, искусен, ясен, оригинален. Тацит больше занят политическими проблемами, чем историческими. Саллюстий — «где-то посередине». Иосиф Флавий «удивителен и во всем похож на Ливия». Из биографов полезен Лаэрдий, а автор «Жизнеописаний Цезарей» Светоний правдив и изыскан. Новые историки явно не выдерживали сравнения: один вместо истории пишет о теологии, другой (Тарканьота) — о сказаниях. О Саберлико не стоит говорить, ибо одному человеку не под силу правдиво изложить всемирную историю⁷⁰.

С похвалой, но тоже критически говорится о поэтах. «Поэзия не наука, а приложение к ней... полезный пример, достойный подражания», поэтам позволено прибегать к «красному словцу». Особо отличались отменным стилем Вергилий, Гомер, Пиндар, Гораций. Хорош римский поэт Лукан — он «учит героической морали». Персей и Ювенал стоят ниже, «но они по крайней мере учат избегать зла». А вот Тибулл, Катулл, Проперций заслужили репутацию «губителей государства», так как «произносят красивые речи, но подают дурной пример». К таким же отнесен и Луклан. Не зная, как объяснить явления, Луклан и Апулей и иные «выдумывают сказки»⁷¹.

Из поэтов средневековья высоко поднят Данте. О Петрарке Калабриец судил спокойно. Он находил приятными стихи Ариосто и

⁶⁷ Ibid., p. 79.

⁶⁸ Ibid., p. 78—79.

⁶⁹ Ibid., p. 103.

⁷⁰ Ibid., p. 88.

⁷¹ Ibid., p. 48.

Тассо, но считал, что последний не столь талантлив и обладал меньшим воображением⁷².

Вопреки ранее высказанному пренебрежению к риторике и красноречию Кампанелла в конце «Рассказа» высоко оценивал искусство ораторов. Из древних это Демосфен, Цицерон, Ливий, Саллюстий. Отмечены достоинства речей Цезаря к воинам, выступлений в сенате Катона (они оказывали на слушателей «магическое действие»). С меньшим восхищением сказано об Исократе, Лисии и Горгии — их стиль больше нравился простому люду, чем философам. Примечательно, что среди ораторов нового времени назван Савонарола. Узник инквизиции осмелился отозваться благожелательно об опасном еретике. «Хотя во многом он заблуждался», однако его речи «воспламеняли души и побуждали к действию природную добродетель», он «храбро отвлекал людей от суетных занятий», «обличал пороки и их уничтожал»⁷³.

Не остались без внимания и мастера эпистолярного жанра, среди них снова Цицерон, Сенека, Платон, Менаандр. К ним присоединялись отцы церкви — Игнатий, Поликарп, Дионисий, Иероним, Августин и др.⁷⁴

Достаточно критично оценивались авторы трудов по медицине. Гиппократ составил небольшие по объему предписания, но «никто из древних не мог выразить научную мысль так кратко, так правдиво, так поучительно, как он». Гален был не столь мудр и страдал многословием, «однако у него есть прекрасные суждения». Кроме того, «он удивительно проявил себя в рассечениях и тем открыл дорогу Везалию и другим»⁷⁵. Однако медицина древних в целом не вызывала одобрения Кампанеллы. Древние врачи не могли выяснить ни природу заболеваний, ни их причины, ни свойства лекарства. Куда ближе к науке стоял Цельс. Немало сделал для ее развития и Авиценна: он прекрасно изложил и значительно расширил врачебное искусство. Это был «достойный ученый, новым толкованием он освободил медицину от невежества», но мог бы подняться еще выше, «если бы больше доверял себе и собственным суждениям, чем свидетельствам древних»⁷⁶.

Критический, рационалистический подход сохраняется и при оценке трудов теологов. Одни из них сильны в поучениях, другие — в аллегориях, третьи — в мистике. Августин отличался красноречием «как в спорах, так и в остроумных разговорах», «но все же не так, как Амвросий». А всех их превзошел Лев, «его речь ритмична и красива». Климент Александрийский сделал много для защиты веры. Лактанций больше преуспевал в спорах, чем в поучениях. Юстин великолепно учит, «доказует, исследует, отвечает, убеждает, а не приказывает верить». Тертуллиан двумя словами лучше убедит, чем пные с помощью тысячи аргументов. Дунс Скот более изыскан (чем

«божественный Фома» и св. Бонавентура), но непонятен. Дуранд «остроумен, основателен, ясен и более свободен в суждениях». Оккам «удивителен в творчестве и независим». Беллармин, вспоминал узник одного из своих гонителей, «разъяснил немало спорных вопросов, знаменит, изящен, трудолюбив», но как творец посредствен⁷⁷.

Как видим, Кампанелла, в сущности, давал характеристику не теологов как таковых, а видел в них прежде всего стилистов и наставников. Он явно выделял тех, кто был свободен в толковании религии, не принуждал людей к вере, а действовал посредством убеждения. Его слова могут быть поняты и как упрек современной церкви и инквизиции с их насильственными методами воздействия.

Подобные примеры нетрудно умножить. Они говорят о трезвом, рационалистическом отношении Кампанеллы к культуре прошлого и настоящего, о критическом восприятии чужих идей и отличном знании обсуждаемого предмета. Кампанелла сопоставляет, ищет, учится согласно провозглашенному им правилу сомневаться и проверять. Он не боится высказать и «опасные» идеи, неугодные церкви. Критика мыслителей древности и его эпохи вовсе не означала отказа от их наследия. Как раз наоборот, в «Рассказе о собственных книгах» звучит настойчивый призыв к его освоению, призыв, возведенный в принцип: всякое исследование начинать с изучения прежних достижений человечества, дабы яснее стал путь дальнейшего поиска.

Сочинение Кампанеллы, дошедшее до нас в редакции Ноде, не единичный, а характерный для эпохи документ. В XVI—XVII вв. было создано немало произведений в том же духе — библиографических и педагогических. Одно из них оставил Курионе; его соотечественник, сатирик Дони, издал первое описание литературы, выходящей на вольтаре⁷⁸, чем заслужил славу основателя итальянской библиографии и истории литературы. Публикация работ по этим предметам весьма возросла в XVII в., к чему приложили свои усилия многие ученые-эрудиты.

Но в рассказе Калабрийца есть особенность — автор не ограничился характеристикой трудов других ученых, прежде всего он предложил читателям обстоятельный обзор собственных работ, упорно стремился подчеркнуть свое значение в науке. (Конечно, и другие не забывали упомянуть о своих заслугах, однако не столь настойчиво и целеустремленно). Рвение Кампанеллы объяснимо: в течение долгих лет его замалчивали, труды уничтожали, «голос пророка звучал в пустыне». Диктуя Ноде свои суждения, Кампанелла хотел не только быть услышанным, но и отводил себе почетное место среди философов, познающих вселенную и способных преобразовать общество.

Сочинение Кампанеллы отличает обилие затронутых вопросов и разносторонность обнаруженных знаний. Конечно, мысли, защищае-

⁷² Ibid., p. 83—85.

⁷³ Ibid., p. 89.

⁷⁴ Ibid., p. 95—96.

⁷⁵ Ibid., p. 99—100.

⁷⁶ Ibid., p. 100.

⁷⁷ Ibid., p. 103—104.

⁷⁸ Doni A. F. La libreria. Vinegia, 1551; Idem. La libreria. A cura di Vanni Bramanti, Milano, 1972.

мые в нем, не всегда новы. Многие есть продолжение уже начатого, развитие заветов гуманизма предшествующих веков. Не был нововведением Кампанеллы и критический подход к вещам (хотя эта черта у него, несомненно, сильна). «Рассказ о собственных книгах и разумном порядке учения» — свидетельство того, что воззрения Кампанеллы (и, можно думать, его издателя Ноде) базировались во многом на достижениях гуманизма и культуры Возрождения в целом.

Но Калабриец защищал и целый ряд новых положений. К XVII в. в представлениях людей произошли существенные сдвиги. Невиданных прежде высот достигло естествознание, способствуя дальнейшему развитию натурфилософии, постижению закономерностей в развитии природы и общества, но эти законы едва лишь начали открываться людям. «Познание истины», «философствование» и выдвигал Кампанелла на первый план. Решению этой задачи посвящены философские труды мыслителя, она поставлена в его «Рассказе». Вместе с тем у Калабрийца не слабел интерес и к человеку. Забота о его благе, духовном и физическом здоровье выливалась в раздумья о социальной среде, мудрой организации общественных отношений, которые строились на основе разума, процветания науки и просвещения, что ярко отражает «Город Солнца». О важной роли наук и знания идет речь и в «Рассказе о собственных книгах».

Гуманистическая традиция здесь достаточно ясна. Автор смотрит на мир в значительной мере еще глазами человека эпохи Ренессанса, сквозь призму древних, оперирует категориями, известными его предтечам. И в то же время, критически оценивая существующую реальность, взглядыываясь в прошлое и анализируя настоящее, провозглашая скепсис методом познания, он вырывается вперед, зовет к опытному исследованию законов бытия, свободному научному поиску, чутко отзываясь на потребность времени в уяснении и систематизации наук. Это сочинение, хотя и подправленное Ноде, говорит нам о Кампанелле — эрудите, новаторе. Нередко он ошибался, его силы были скованы, но Калабриец упорно продолжал отстаивать свободомыслие и смело защищал положения, осуждавшиеся церковью и инквизицией.

У истоков культуры Возрождения возвышалась величественная фигура Данте Алигьери, одного из любимых писателей Кампанеллы, — последнего поэта средневековья и в то же время первого поэта нового времени⁷⁹. У истока этой культуры мы видим (рядом с другими титанами «по силе мысли, страсти и характеру») ⁸⁰ не менее величественный и, пожалуй, более противоречивый образ Кампанеллы, во многом принадлежавшего эпохе Возрождения, но уже вступившего в новое время.

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 382.

⁸⁰ См.: Там же, т. 20, с. 346.